

Даниэль
ГЕРЕН

Анархизм
От теории
к практике

Издательство АСТ
Москва

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
-----------------------	---

Часть первая

ДВИЖУЩИЕ ИДЕИ АНАРХИЗМА

Немного о словаре	19
Врожденный бунт	23
Ненависть к государству	24
Враждебность к буржуазной демократии	29
Критика «авторитарного» социализма	36
Источники вдохновения: личность	48
Источники вдохновения: массы	59

Часть вторая

В ПОИСКАХ НОВОГО ОБЩЕСТВА

Анархизм не утопичен	71
Необходимость организации	73
Самоуправление	76
Основы обмена	85
Конкуренция	91
Централизация и планирование	95
Полная социализация?	96
Рабочий синдикализм	98
Коммуны	99
«Государство» — спорный термин	105

Как управлять общественными службами	107
Федерализм	109
Интернационализм	114
Декolonизация	117

Часть третья

АНАРХИЗМ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКЕ

1880—1914	123
Анархизм отделяется от рабочего движения	123
Социал-демократы осуждают анархистов	127
Анархисты в профсоюзах	130
Анархизм в Русской революции	138
Либертарная революция	139
Авторитарная революция	145
Роль анархистов	158
«Махновщина»	164
Кронштадт	170
Анархизм живой и мертвый	177
Анархизм в итальянских рабочих советах	182
Анархизм в испанской революции	189
Советский мираж	189
Анархическая традиция в Испании	196
Идейное наследие	201
«Аполитичная» революция	209
Анархисты в правительстве	212
Успехи самоуправления в сельском хозяйстве	215
Самоуправление в промышленности	225
Подрыв самоуправления	230
Вместо заключения	238

Что касается анархии, (...) то я хочу этим словом обозначить высший предел политического прогресса. Анархия, если можно так выразиться, есть форма правления или организации, где одного только общественного и личного сознания, основанного на развитии науки и права, достаточно для поддержания порядка и обеспечения гарантии всех свобод и где, следовательно, принцип власти, институт полиции, средства предупреждения или подавления, репрессии, бюрократия, налоги и тому подобное сведутся к минимуму; тем более если монархические формы, высшая централизация, подмененные федеративными началами и общинными нравами, исчезнут. (...) Само собой понятно, что если всяческое принуждение исчезнет, то мы окажемся в условиях полной свободы или анархии. Общественный, социальный закон будет отправляться сам собой, без контроля и командования, а лишь в силу всеобщей и всецелой стихийности.

ПЬЕР-ЖОЗЕФ ПРУДОН¹
*Письмо неизвестному,
20 августа 1864 года,
за полгода до кончины.*

¹ Прудон, Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский социалист, издатель и журналист. Основатель анархизма, рабочего синдикализма и федерализма. (*Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

С недавних пор вновь наблюдается прилив интереса к анархизму. Ему посвящаются книги, монографии, антологии. Но такое «литературное» усилие не всегда достаточно эффективно. Черты анархизма трудно четко определить. Ведущие представители этого учения не всегда сжато излагали свои идеи в систематических трудах, а когда другие пытались это сделать, то лишь в небольших пропагандистских брошюрках, в коих мелькали только обрывки этих идей. К тому же существуют различные виды анархизма. А сколько вариаций в мысли каждого из выдающихся либертариев¹!

Отрицание власти и упор на приоритете индивидуального суждения особенно побуждают анархистов «исповедовать антидогматизм». «Не будем становиться вождями новой религии, — писал Прудон Марксу, — даже если это религия логики, религия разума»². Итак, взгляды анархистов более многообразны, изменчивы и сложны для понимания, чем

¹ *Либертариий* — человек, выступающий за свободу, отвергая любые формы политической и социальной организации. Термин был введен французским анархо-коммунистом Жозефом Дежаком в 1857 году. В данной работе является синонимом анархиста.

² Здесь и далее цитаты приводятся по французскому изданию, если не указано иное.

взгляды «авторитарных» социалистов, соперничающие «церкви» которых пытаются как минимум навязать своим приверженцам каноны.

В письме директору Консьержери¹, незадолго до того, как он был казнен на гильотине, террорист Эмиль Анри² писал: «Но ни в коем случае не думайте, что Анархия есть догма, непререкаемая, неприкасаемая доктрина, боготворимая ее приверженцами подобно тому, как мусульмане почитают Коран. Нет: абсолютная свобода, которую мы требуем, беспрестанно развивает наши идеи, открывает им новые горизонты (в зависимости от мыслей различных индивидуумов) и выводит их за узкие рамки любых правил и ограничений, любой условности. Мы — не “верующие”». И приговоренный к смерти отбрасывает «слепую веру» французских марксистов той эпохи, «которые верят во что-то лишь потому, что Гед³ сказал, что в это надо верить, и обладающих катехизисом, сомнение в котором было бы кощунством».

¹ *Консьержери* — парижская тюрьма, прилегающая к дворцу Правосудия. В ней, в частности, находилась в заключении Мария-Антуанетта.

² *Анри, Эмиль* (1872—1894) — французский анархист, взорвавший 12 февраля 1894 года бомбу в кафе около парижского вокзала Сен-Лазар. Был приговорен к смертной казни. Его последними словами были: «Смелее, товарищи! Да здравствует Анархия!»

³ *Гед, Жюль* (1845—1922) — французский политический деятель, распространитель марксистских идей во Франции, основатель французской Рабочей партии и первой французской марксистской газеты «Эгалитэ» («Равенство»).

На самом деле, несмотря на разнообразие и богатство анархической мысли, несмотря на ее противоречия, несмотря на доктринальные споры, которые, кстати, слишком часто беспочвенны, анархизм представляет собой совокупность довольно однородных концепций. Конечно, на первый взгляд может показаться, что существуют значительные разногласия между индивидуалистическим анархизмом Штирнера¹ и социальным анархизмом. Но если заглянуть глубже, сторонники полной свободы и сторонники социальной организации не так уж далеки друг от друга, как они сами думают и как может показаться на первый взгляд. Социальный анархист — тот же индивидуалист. Анархист-индивидуалист может прекрасно быть социальным анархистом, но не осмеливающимся признаться в этом.

Относительное единство социального анархизма объясняется тем, что он был создан практически в одну и ту же эпоху двумя учителями, один из которых был учеником и последователем другого: французом Пьером-Жозефом Прудоном и русским изгнанником Михаилом Бакуниным². Бакунин дал определение анархизма как «широко развитого и доведенного до крайних пределов прудонизма». Такой анархизм считает себя «коллективистским».

¹ *Штирнер, Макс* (1806—1856) — немецкий философ, теоретик анархо-индивидуализма.

² *Бакунин, Михаил Александрович* (1814—1876) — русский мыслитель и революционер, один из теоретиков анархизма и народничества. Стоит у истоков социального анархизма.

Но его продолжатели отвергли этот термин и именовали себя коммунистами («либертарными» коммунистами», разумеется). Среди них Петр Кропоткин¹, другой русский изгнанник, склоняющийся к утопизму и оптимизму, «научность» которых плохо скрывала слабые места этой доктрины. Итальянец Эррико Малатеста², в свою очередь, исповедовал дерзкий, порой по-детски наивный, активизм, обогащая его непререкаемой и зачастую здоровой полемикой. Позднее опыт русской революции породил одно из наиболее замечательных анархистских произведений — труд Волина³.

* * *

Анархистскому терроризму конца XIX века при-
сущи драматические и анекдотические черты, а так-
же запах крови, столь дразнящий для вкусов ши-
рокой публики. Но если в свое время он явился
школой индивидуальной энергии и мужества, что
вызывает уважение, если его заслугой явилось при-

¹ *Кропоткин, Петр Алексеевич* (1842—1921) — русский революционер и анархист. Создатель идеологии анархо-коммунизма. А также географ и геоморфолог.

² *Малатеста, Эррико* (1853—1932) — итальянский революционер и анархо-коммунист. Член бакунинской фракции в Первом интернационале. Исповедовал «анархический коммунизм», близкий к позициям Кропоткина.

³ *Волин (Эйхенбаум), Всеволод Михайлович* (1882—1945) — русский анархист, автор «Неизвестной революции, 1917—1921», работы, ставшей классикой анархизма эпохи русской революции.

влечение общественного внимания к социальной несправедливости, то сегодня он предстает как эпизодическое и бесплодное отклонение от анархизма. Он кажется устаревшим. Заикливаться на «котелке» Равашоля¹, значит, игнорировать или недооценивать фундаментальные черты концепции социальной реорганизации, которая вовсе не является разрушительной, как заявляют ее противники, но при рассмотрении оказывается в высшей степени конструктивной. Именно к такому анархизму мы и хотим привлечь внимание читателя. По какому праву и на каком основании? Просто-напросто потому, что материалы, о которых идет речь, отнюдь не устарели, а напротив, актуальны, потому что поставленные проблемы сейчас остры как никогда. Если яростный вызов обществу, бомбы и взрывы принадлежат допотопной эпохе и более не устрашают, то анархические предвосхищения и опережения эпохи наталкивают на размышления. Можно заметить, что они значительно отвечают потребностям нашего времени и могут способствовать строительству нашего будущего.

В отличие от предшествующих работ, это небольшое издание не претендует ни на историю, ни на библиографию анархизма. Эрудитов, посвятивших свои труды анархизму, заботило прежде всего, как

¹ *Равашоль, Франсуа Клавдий* (1859—1892) — французский анархист, прославившийся многочисленными террористическими актами. Одно из его наиболее известных покушений было совершено при помощи котелка, который взорвался, как только его перевернули. Казнен на гильотине.

бы не опустить какое-либо из имен в своих карточках. Привлеченные поверхностным сходством, они, как им казалось, находили множество предтеч анархизма. Они отводили почти равное место гениям и малозначительным последователям. Они скорее преподносили, со множеством иногда излишних подробностей, жизнеописания, чем действительно углублялись в исследование идей. В результате их высоконаучных компиляций читатель получал ощущение разрозненности, относительной бессвязности и не получал ответа на вопрос, что же такое анархизм на самом деле.

Я же попытался применить иной метод. Полагаю, биографии учителей анархической мысли всем известны. Более того, они иногда значительно меньше освещают наш сюжет, чем это полагают некоторые исследователи. И действительно, многие учителя не были в равной степени анархистами на протяжении всей своей жизни; многие страницы их полных собраний сочинений не имеют никакого отношения к анархизму.

Так, например, мышление Прудона во второй половине его деятельности становится все более консервативным. Его пространная и монументальная работа «О справедливости в революции и церкви» (1858) посвящена главным образом проблеме религии; ее выводы в значительной степени далеки от анархизма. Несмотря на неистовый антиклерикализм, Прудон в конечном счете принимает все положения католицизма и, не интерпретируя их, заявляет, что для образования и повышения мо-

рали народа большую пользу принесет сохранение христианской символики, и к последним строкам кажется, что он готов произнести молитву. Из уважения к его памяти мы лишь вскользь упомянем его «приветствие войне», нападки на женщину и приступы расизма.

С Бакуниным произошло обратное. Как раз первая половина его бурной карьеры революционера-заговорщика не имеет отношения к анархизму. Он принимает анархические идеи лишь с 1864 года, после подавления польского восстания¹, в котором участвовал. Его произведения до этого момента никак не могут занять место в анархистской антологии.

Что касается Кропоткина, его чисто научные работы, благодаря которым он был известен в СССР как один из наиболее выдающихся деятелей русской географии, далеки от анархизма, как, впрочем, и его милитаристская позиция во время Первой мировой войны.

Итак, мы предпочли здесь историческому и хронологическому исследованию другой метод, необычный: читателю поочередно представляются не личности, а основные конструктивные темы анархизма. Умышленно были опущены лишь те темы, которые не являются специфически анархистскими, например критика капитализма, атеизм, антимилитаризм, свободная любовь и т. д. Вместо блеклого и бездоказательного пересказа из вторых уст я при-

¹ Речь идет о польском восстании 1863—1864 гг.

бегну, как можно более часто, к цитатам. Таким образом идеи предлагаются читателю в той форме, в какой они вышли из-под пера учителей, со всем пылом и горячностью.

Затем доктрина рассматривается под другим углом, в моменты, когда она подвергалась испытанию событиями: русская революция 1917 года, Италия после 1918-го, испанская революция 1936-го. В последней главе представлено рабочее самоуправление, являющееся, вне сомнения, наиболее оригинальным детищем анархизма, в противопоставлении с современной действительностью.

Итак, на страницах этой книги беспрестанно сталкиваются и иногда объединяются две концепции социализма: авторитарная и либертарная. Какой из них принадлежит будущее, пусть, проанализировав, решит читатель.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ДВИЖУЩИЕ ИДЕИ
АНАРХИЗМА

НЕМНОГО О СЛОВАРЕ

Слово «анархия» старо как мир. Оно происходит из двух древнегреческих слов *ἀν-* (ан) и *ἀρχή* (архе) и означает нечто вроде отсутствия власти или правительства. Но поскольку тысячелетия царило предвзятое мнение, что люди не могут обойтись ни без одного, ни без другого, анархия понималась в уничижительном и отрицательном смысле, как синоним беспорядка, хаоса, дезорганизации.

Автор остроумнейших каламбуров (как, например, «собственность есть кража») Пьер-Жозеф Прудон присвоил себе слово «анархия». Будто желая как можно более шокировать обывателя, в 1840 году он вступил с ним в следующий провокационный диалог:

— Вы республиканец.

— Да, республиканец; но слово это ничего конкретного не означает. *Res publica*¹ — это нечто публичное... Выходит, короли суть республиканцы.

¹ Общее дело (*лат.*).

- В таком случае, вы — демократ?
- Нет.
- Да неужто вы монархист?
- Нет.
- Сторонник конституционализма?
- Боже упаси.
- Вы — аристократ?
- Ни в коей мере.
- Вы за смешанную форму правления?
- Ни в коей степени.
- Так кто же вы?
- Я — анархист.

Под анархией, которую он иногда, в виде уступки, писал «ан-архия», чтобы сбить с толку противников, Прудон — больше конструктивист, чем разрушитель, несмотря на внешние признаки — понимал совершенно обратное беспорядку, как мы и увидим далее. Он считал, что виновником беспорядка является правительство. Лишь общество без правительства способно восстановить естественный порядок и воскресить социальную гармонию. Для обозначения этой панацеи и ссылаясь на то, что в языке нет другого подходящего термина, он предпочел вернуть древнему слову «анархия» его строго этимологическое значение.

Однако в пылу полемики он — как позднее и его последователь Михаил Бакунин — упрямо и парадоксально употреблял слово «анархия» в уничижительном смысле, в значении беспорядка, тем еще больше запутывая ситуацию.